

ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЛИВОНИИ XV ВЕКА

В. В. ДОРОШЕНКО

Движение цен в феодальный период, исследование которого должно способствовать решению проблемы товарно-денежных отношений в недрах феодального общества, освещено недостаточно даже для столь развитых тогда стран, как Италия и Нидерланды, а для Восточной Европы — тем более. Прежние опыты изучения цен в России (В. О. Ключевского, Н. Н. Рожкова), как и монография А. Г. Манькова¹, не идут глубже XVI в. То же самое можно сказать о польских исследованиях, из которых только одно (Я. Пельца — о краковских ценах 1369—1600 гг.) затрагивает эпоху, предшествовавшую европейской «революции цен». Относительно Ливонии, несмотря на ее оживленные торговые связи с ганзейскими городами, а с XV в. также с Голландией, дело обстоит не лучше. Если не считать отдельных, брошенных вскользь замечаний о ценах в трудах Энгельгардта, Транзее и других авторов, можно назвать только исследование Г. Миквица, уделяющее внимание таллинским ценам первой половины XVI в.² Поскольку работа Г. Миквица основывается на очень надежном материале (неопубликованные торговые книги И. Сельхорста, Г. Фикке, Я. Каппенберга и других таллинских торговцев) и имеющиеся у нас данные в общем подтверждают выводы этого автора, мы сосредоточим основное внимание на движении цен в XV в., имея в виду только цены на основные, притом местные, сельскохозяйственные продукты — различные виды зерна, скот, продукты животноводства и частично сырье (лен, конопля, деготь, смола, зола). Движение цен на промышленные (в том числе импортные) изделия требует особого рассмотрения. Равным образом в данной статье не затрагивается вопрос о состоянии цен в более древний период, так как дошедшие до нас сведения о ценах по документам XIII—XIV вв. слишком отрывочны.

ИСТОЧНИКИ И ПРИЕМЫ ИХ ОБРАБОТКИ

Конкретные показания о ценах на сельскохозяйственные продукты в подавляющем большинстве взяты из опубликованных документов. Это прежде всего записи о расходах Рижского магистрата за 1405—

1474 гг., изданные А. Бульмерингом³, которые фиксировали реальные цены рижского рынка. Сюда заносились из года в год денежные или натуральные выдачи «камерариев» на содержание городских слуг или чиновников (писцов, фельдшеров, плотников и т. п.), на оплату праздничных угощений или подарков послам, дорожные расходы посольств, строительные издержки и т. д. Чаще всего указываются цены на хлеб: рожь (49 записей), входившую в годовое содержание ряда чиновников⁴, и овес (9 записей), который расходовался на кормление лошадей во время разъездов. Затем идут цены на лошадей (56 записей) и волов (30 записей), а также пиво (местное в 13 и привозное в 11 записях) — все это преимущественно в связи с расходами на посольства. В 13 записях отмечаются цены на смолу или деготь, гораздо более редко упоминания о ценах на другие товары: канатную пряжу (кабалку), лен, воск и т. д. Из этого источника почерпнуто примерно $\frac{1}{2}$ всех имеющихся в нашем распоряжении данных на хлеб, $\frac{2}{3}$ всех данных о ценах на лошадей и волов, все данные о ценах на золу, деготь и другие продукты лесного промысла. Очень важно, что массовые показания однородного типа, в особенности о ценах на зерно и скот, поддаются статистической обработке.

Сказанное относится также к таллинским камеральным регистрам, которые нами использованы по примечаниям к известному сборнику средневековых ливонских актов, начатому Ф. Г. Бунге⁵, и по рецессам местных ландтагов⁶. Они являются дополнением к аналогичным рижским регистрам, во-первых, хронологически (охватывая период 1430—1500 гг.; в записях Риги, как

³ Kämmerer-Register der Stadt Riga 1348—1361 und 1405—1474, hrsg. von A. Bulmering, München und Leipzig, 1909—1913 (далее KR).

⁴ Так, 10 записей 1406—1420 гг. регистрируют выдачу денежных сумм ($\frac{1}{2}$ —1 рижск. марки в год) вместо шести пур ржи, полагавшихся фельдшеру Герману Херингу, что соответствовало цене в $3\frac{1}{2}$ —7 рижск. марок за ласт. Такой же характер носят записи о выдаче вместо ржи денег еще ряду лиц. Фиксируемые в указанных записях суммы показывают увеличение цены на рожь к началу 40-х годов XV в. до 15—25 рижск. марок за ласт.

⁵ Liv- Est- und Kurländisches Urkundenbuch, begründet von F. G. v. Bunge, Bd. I—XII; 2 Abt. Bd. I—III, Riga, 1852—1909 (далее UB).

⁶ Acten und Recesse der livländischen Ständetage, herausgegeben von L. Arbusow und A. Bauer, Bd. I—III, Riga, 1910—1938 (далее — AR).

¹ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Московском государстве XVI века, М., 1951. См. также статью того же автора «Движение и география хлебных цен в Русском государстве XVI века». «Исторические записки», т. 28, М., 1949, стр. 132—163.

² G. Mickwitz. Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik der Ostseehandel in der ersten Hälfte des XVI. Jahrhunderts, Helsingfors, 1938, SS. 96—108.

отмечалось, совершенно не отражена последняя четверть XV в.), во-вторых, таллинские регистры, по сравнению с рижскими, содержат более разнообразные упоминания о ценах на ряд товаров: скот (в том числе на овец) и продукты животноводства (мясо, сало и особенно масло).

Ценным дополнением к городским камеральным регистрам являются записи о расходах администрации рижской городской марки, относящихся к 1382—1478 гг.⁷

Второе место по количеству документального материала о ценах в XV в. занимают ливонские акты в упомянутом издании Бунге. К сожалению, в нем имеется досадный, невосполнимый пробел: за период 1472—1493 гг. акты не были изданы. Среди опубликованных здесь материалов особого внимания заслуживают 20 частных писем рижских купцов к их контрагентам в Любеке и Брюгге, отправленные с полутной эскадрой на Запад в мае—июне 1458 г.⁸ В этой корреспонденции торговцы — рижане (Гендена, Ретем, Хольтхузен, Ман и др.) извещают своих контрагентов о ценах на рожь, ячмень, солод, лен, кабалку, золу, воск и другие товары, являвшиеся предметами рижского экспорта⁹. Близко к этому типу источника стоят свидетельские показания курземского вассала Арнольда Сакена, данные на суде в мае 1431 г. относительно местных цен на различные виды хлебов, воск и мед, пушнину, а также на скот — волов, свиней и овец¹⁰. В обоих случаях дело идет, несомненно, о средних, обычных для того времени ценах, что придает таким свидетельствам особую ценность¹¹. Множество из изданных Бунге актов фиксируют различные торговые сделки,

участниками которых были купцы или помещики, а объектами — рожь, лен, конопля, зола, но особенно часто — воск. Во всех случаях дело идет о реальной рыночной цене того или иного товара¹².

Особого отношения требуют сведения о ценах, которые дает Таллинский вакенбух 1435—1507 гг., — единственный из полностью сохранившихся в Ливонии вакенбухов XV в.¹³ Встречающиеся тут несколько десятков записей относительно ржи, ячменя, солода, лошадей и рогатого скота едва-ли в точности отражают состояние рыночных цен того времени. Это лишь приближенная, притом обычно заниженная оценка стоимости продуктов при переводе на деньги натуральных крестьянских поставок или крестьянской задолженности, производимая администрацией пригородного имения.

Наконец, для сравнения могут служить отдельные данные относительно цен в других торговых центрах Прибалтики, например в Кенигсберге, Любеке, Гданьске и т. д.¹⁴

Из неопубликованных документов для первой половины XV в. можно назвать лишь записи о расходах старшин братства Черноголовых в Риге, хранящиеся в отделе рукописей фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР¹⁵. Большинство из содержащихся здесь 281 запись имеет в виду расходы на пиво, причем 64 записи за 1417—1420 гг. указывают количество пива (в бочках) и цену каждой бочки, включая ее транспортировку. Эти данные, поддающиеся статистической обработке, дают дополнительную возможность судить о цене на зерно, так как ячмень и солод в источниках тех лет не упоминаются.

Для второй половины, и особенно для конца XV в., ценным источником являются выписки из «Grot Reale Bock» Иоганна Шенинга¹⁶ и «Olde Bock» Хенинга Паделя¹⁷. В первом документе приводятся цены 1484—1497 гг. на рожь, пшеницу, ячмень, солод, масло, сало, мясо, воск, мед и деготь; во втором — цены 1485—1498 гг. на лен, коноплю, кабалку, деготь и некоторые животноводческие продукты. Цены на эти последние немного освещены также в хозяйственных записях Эверта фон дер Липпе из Таллина за 1478 г.¹⁸

Всего перечисленный материал содержит 575 записей о ценах на сельскохозяйствен-

¹² В то же время условия всякой конкретной сделки связаны с конъюнктурой и потому не лишены элементов случайности (урожай данного года и в данном месте, условия транспортировки товара и т. п.).

¹³ Das älteste Wackenbuch des Revaler St. Johannis-Siechenhauses, hrsg. von P. Johansen, Reval, 1925, (далее — Wackenbuch).

¹⁴ См., напр., UB, XII, 65—68 (1461 г.); UB, VIII, 582 (1432 г.); UB, VII, 590 (1427 г.).

¹⁵ Манускрипт № 422. «Riga. Die Schaffer Rechnung der Schwarzen-Häupter, 1417—1440».

¹⁶ ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 98, л. 31; ср. также д. 124, л. 54.

¹⁷ Там же, д. 98, лл. 31 об.—32; ср. также д. 124, л. 55.

¹⁸ Там же, д. 17, л. 117.

⁷ Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga, hrsg. von A. Bulmering, Bd. I, Riga, 1923.

⁸ Перехваченные по пути гданьчанами (дело происходило во время Тринадцатилетней войны между Польшей и Немецким орденом), они попали в Гданьский архив, откуда были извлечены и впервые опубликованы В. Штейном. (см. «Hansische Geschichtsblätter», 1898, стр. 72—109).

⁹ UB, XI, 735, 737, 741—753.

¹⁰ UB, VIII, 440. Ср. Коллекцию фотокопий Института истории АН Латвийской ССР № 506, лл. 11—12: другой вассал, Отто Сакен, вносит поправки в показания своего брата о ценах 1431 г.

¹¹ В то же время в ряде других документов дело идет явно о необычных, высоких (в период дороговизны) или же намеренно завышенных ценах. Так, распоряжения орденского магистра или рецессы ландтагов на предмет запрещения вывоза из Ливонии хлеба [см. UB, IV, 1771 (1408 г.) и V, 2025 (1415 г.)] и лошадей [UB, IV, 1887 (1411 г.); VII, 16 (1423 г.); AR, III, 2, § (1495 г.)] диктовались тяжелым хозяйственным положением или военной необходимостью. Пример нарочитого завышения цен дает составленная задним числом в 1451 г. претензия рижских купцов на возмещение материальных убытков, понесенных ими из-за голландцев в 1439 г. (UB, XI, 118).

ные продукты в XV в., в том числе: на зерно (1401—1498 гг.) — 133, на солод и пиво (1401—1498 гг.) — 171, на скот (1405—1498 гг.) — 148, на продукты животноводства (1441—1498 гг.) — 36, на сырье — лен, коноплю, продукты лесного промысла (1422—1497 гг.) — 57, на воск и мед (1410—1499 гг.) — 30 записей.

Вопрос о приемах обработки этих данных приходится решать отдельно в каждом конкретном случае, в зависимости от количества и характера записей о том или ином товаре. Вообще же следует заметить, что ограниченность материала во многих случаях вынуждает воздерживаться от его статистической обработки. В частности, применяемый в современной статистике индексный метод можно использовать разве что в качестве иллюстрации (весьма приблизительной) главных тенденций в движении цен на такие товары, по которым имеется достаточное количество индивидуальных, притом однородных по характеру показателей за многие годы (пиво, рожь, овес, вошь). Там, где это было возможно, мы пытались вывести средние «взвешенные» цены на товар, да и то в пределах не одного года, а целого десятилетия¹⁹. В отношении большинства товаров приходилось довольствоваться сравнением того или иного количества индивидуальных показателей цен.

ВЕСОВЫЕ И ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

В использованных нами источниках употребляются следующие меры объема.

Зерно измеряли обычно пурями (лофами) и ластами, в Эстонии — также кульметами и шиффунтами. Ласт ржи равен 42 пурям, ячменя — 48 пурям, овса — 60 пурям. Эстонский кульмет равнялся $\frac{1}{3}$ пury, а шиффунт — $\frac{1}{12}$ ластва. Ласт солода, по аналогии с ячменем, мы принимали равным 48 пурям.

Многочисленные записи о пиве оперируют неизменно понятием «бочка» (tinne); очень редко (в Риге и Таллине) встречается «ласт пива», который, как видно из самих записей, равнялся 12 бочкам. Несколько сложнее обстоит дело с продуктами скотоводства. Масло сливочное, как правило, мерили теми же бочками ($\frac{1}{12}$ ластва), иногда весовыми единицами, причем 1 ласт = 12 шиффунтам, 1 шиффунт = 20 лисфунтам, 1 лисфунт = 20 маркфунтам.

Сведения о ценах на все другие товары мы принимали в расчет лишь в том случае, если они выражались в одной из вышеуказанных единиц (бочка, ласт, шиффунт, лисфунт). Значимость остальных единиц, вроде «vlicke», «seite», «schincken», «bast»,

¹⁹ К примеру, рижские камеральные регистры за 1405—1409 гг. фиксируют денежные раздачи следующих сумм вместо положенных за эти годы выдач 12,6, 6,6 и 6 пур ржи: 44 ора, $\frac{1}{2}$ марки, 3 фердинга, 3 фердинга и 30 оров. Производим подсчет: всего вместо 36 пур ржи было выдано 170 оров, что дает среднюю «взвешенную» цену за одну пурю 4,7 оров, или за ласт ржи 4 рижск. марки.

«fass» и т. п., точному определению не поддается.

Наибольшие затруднения в области метрологии XV в. вызывает денежная система. Если иметь в виду номинальные показатели цен, то дело обстоит сравнительно просто: на протяжении всего рассматриваемого периода мы имеем дело с одной и той же денежной единицей, а именно — рижской маркой. Следует пояснить, что речь идет о марке как единице счета (gezählte rigische Mark), которая на протяжении XV в., несмотря на попытки реформ в этой области, по существу не менялась. В XV в. полностью сохранялось сложившееся ранее соотношение единиц: 1 рижск. марка = 4 фердингам = 36 шиллингам = 48 орам = 144 артигам = 432 пфеннигам. Будучи исключительно единицей счета, марка имела также значение весовой единицы (gewogene Mark), т. е. заключила в себе известное количество серебра, определявшее курс марки, ее реальную покупательную способность. По состоянию сохранившихся документов серебряное содержание рижской марки в XIII—XIV вв. установить точно едва ли возможно. Известно, однако, что в конце XIV в. учащаются жалобы на недостаток в стране серебра и ухудшение серебряной монеты²⁰. Еще более явственны эти жалобы в начале XV в. Как указывается в документе более позднем, ливонская монета начала ухудшаться особенно с 1403 г.²¹ В 1420 г. духовные князья страны — магистр ордена и архиепископ рижский и епископ дерптский — ввиду повсеместного выпуска скверной, неполноценной монеты были вынуждены приостановить ее чеканку на два года²².

В 1422—1426 гг. по инициативе «сословий», т. е. дворянства и духовенства, и в их интересах была предпринята попытка реформировать денежную систему, которая, однако, встретила сопротивление городов и по существу ни к чему не привела. Цены на товары исчислялись по-прежнему в старых рижских марках, которые только в разменной монете пересчитывались на новые деньги²³. Как отмечает Бульмеринг, камеральные регистры г. Риги в 1405—1474 гг. ведут счет исключительно старыми

²⁰ AR, I, 101 (1374); UB, III, 1254 и 1291; там же, Reg. 1487 (1388—1390).

²¹ UB, IX, 131 (1437 г.): «videlicet ab anno Domini 1403 inclusive, cum tunc moneta dietim deteriorari incepit in suo valore». При сравнении прусской марки с рижской другой документ отмечает, что последняя «теперь стала хуже»; там же, VI, 2960 (1404 г.).

²² Там же, V, 2478. Как говорит А. Бульмеринг (без ссылки на документы), количество серебра в рижской марке за 1406—1420 гг. уменьшилось с 8 до 2 лотов (KR, стр. 5—8).

²³ Теперь старая рижская марка (в документах XV в. она обычно называется просто «маркой») равнялась 36 «новым артигам», которые прежде назывались «шиллинггами». Livländische Güterurkunden, hrsg. von H. Bruiningk, Bd. 1, 507 (далее — GU).

марками²⁴. То же самое относится к большинству других документов, дающих сведения о ценах в XV в.²⁵

Реальная ценность, т. е. серебряное содержание основной денежной единицы — рижской марки, конечно, менялась со временем. Проследить эти изменения в деталях на протяжении всего XV в. невозможно. Данные об этом имеются лишь за отдельные годы, в то время как показатели цен зачастую относятся совсем к другим годам. Поэтому, излагая в дальнейшем конкретную историю цен на отдельные группы товаров в XV в., мы предпочли оперировать номинальными ценами, которые содержатся в самих документах. Это, помимо прочего, предохранит нас от ошибок, неизбежно сопутствующих исчислению всякого рода поправок на качество денег. К проблеме реальных цен, с учетом непрерывного ухудшения рижской марки в XV в., мы обратимся в конце этой работы.

ДВИЖЕНИЕ ЦЕН НА ХЛЕБ

Хлеб, и в первую очередь рожь и ячмень (включая сюда также и пиво, которое выработывалось из ячменя), был одним из главных продуктов на внутреннем, в том числе на рижском, рынке. Из сохранившихся 297 записей о ценах на отдельные виды продуктов приходится: на рожь (1401—1496 гг.) — 81 запись, на овес (1405—1498 гг.) — 26 записей, на ячмень (1431—1496 гг.) — 15 записей, на пиво (1405—1498 гг.) — 161 запись, на солод (1434—1498 гг.) — 10 записей, на пшеницу (1492 г.) — 2 записи, на муку (1439 и 1498 гг.) — 2 записи. Эти записи относятся преимущественно к городам и в подавляющем большинстве приходятся на первую половину XV в. Более массовые, и притом однородные показатели, позволяющие установить среднюю «взвешенную» цену для отдельных десятилетий, мы имеем только для ржи, овса и пива.

Рожь. Более половины из сохранившихся записей о ценах на рожь взяты из рижских камеральных регистров. Именно их мы используем для исчисления средних «взвешенных» цен за 1401—1450 гг. (см. прилож., табл. 1).

²⁴ Это утверждение легко проверить, просмотревшись к жалованью городских служащих. Его уровень непосредственно до и сразу после «реформы» 1422—1426 гг. оставался без изменений.

²⁵ Очень выразительны в этом смысле обороты вроде: «*marcarum antiquae monetae... pro punc in partibus Livoniae currentis*» (UB, XII, 192, 1463 г.). Выражение «*Mark rigisch*» всегда обозначало старую марку (см. UB X, 334, 1447 г.). Счет на новые марки встречается иногда главным образом в документах дворянских, касающихся купли-продажи земли [GU, I, 257, 299, 312, 347, 429, 440, 447, 495, 1430—1473 гг.; см. также *Est- und Livländische Brieflade hrsg. von Bunde ind Toll* (далее — Bfl.), Bd. I, 113 (1539)], где «новая марка» противопоставляется «обыкновенной монете».

Одиночные записи того же периода лишь подкрепляют данные нашей таблицы о «средних ценах» по десятилетиям, составленной исключительно по камеральным регистрам г. Риги. В 1407 г. из Риги в Любек был отправлен 31 ласт ржи, из которых 17 ластов были проданы по 3½ и 14 ластов по 3¼ рижск. марок за ласт²⁶. Ко второму десятилетию относятся две записи. Одна из них — сообщение магистра Ливонского ордена в Пруссию от 10 декабря 1415 г. о неурожае и дороговизне в Ливонии — дает явным образом необычно высокую цену: 13 рижск. марок за ласт (UB, V, 2025). Другая запись составлена по аналогичному поводу (дороговизна 1420 г.), но указывает при этом «нормальную» цену: в Ливонии ждут, когда цены на рожь упадут до 5 рижск. марок за ласт (там же, 2458). Очень авторитетно показание на суде в 1431 г. курземского вассала А. Сакена об обычных для его времени ценах на рожь: 16 рижск. марок за ласт (там же, VIII, 440). Довольно близки к рижским ценам 30—40-х годов также цены, которые показывает Таллинский вакенбух: в 1435 г. 24 рижск. марки за ласт и в 1443—1447 гг. (по восьми записям) — тоже в среднем 24 рижск. марки за ласт. Наконец, согласно эстонской грамоте 1447 г., один помещик взял у другого шесть ластов ржи по цене 28 рижск. марок за ласт (Bfl., I, 192). Все это дает нам право утверждать, что в первой половине XV в. номинальные цены на рожь поднимались, притом круто. Особенно резким был этот подъем в 1415—1440 гг.; к 40-м годам цены на рожь, по сравнению с началом столетия, поднялись с 4 до 20 рижск. марки за ласт, т. е. в пять раз.

В дальнейшем этот рост приостанавливается. Правда, «среднюю цену» за 1441—1449 гг., которая исчислена по регистрам (17½ рижск. марок), нельзя считать абсолютной: в эстонских сделках того времени мы встречали более высокие цены. Значительно, однако, что в конце 50-х годов (1458) рожь, согласно весьма надежной торговой корреспонденции из Риги, не поднималась в цене выше 27—28 рижск. марок за ласт (UB, XI, 743). На том же уровне цены стоят и в 1470 г.²⁷ Другими словами, в 50—60-х годах цены на рожь остаются в общем на том уровне, который был достигнут к концу 40-х годов.

Данные о последней четверти XV в., как бы малочисленны они ни были, позволяют все же утверждать, что цены и в этот период не только не возросли, но даже проявляли тенденцию к снижению. Судя по записям членов рижского магистрата Г. Шенинга и Х. Паделя, ласт ржи в 1478 г. стоил 22 рижск. марки, в 1489 г. — 21 рижск. марки, а в 1492 г. — 30 рижск. марок²⁸. Правильность этих записей подтверждается конкретной торговой сделкой: тал-

²⁶ М. П. Лесников. Некоторые вопросы балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV — начале XV века. «Средние века», вып. VII, 1955, стр. 121.

²⁷ Wackenbush, стр. 12—13.

²⁸ ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. I, д. 124, лл. 54—55.

линский купец С. Лулинг перед 1499 г. купил у одного из вассалов тартуского епископа большую партию ржи (32 ластв) по цене 24 рижск. марки за ластв²⁹. Наконец, стоит отметить и то, что для начала XVI в. Г. Миквиц считал характерной цену на рожь в 19½ рижск. марок за ластв, и наши источники это вполне подтверждают³⁰.

Посмотрим теперь, соответствует ли намеченное нами движение цен на рожь данным о движении цен на другие хлеба.

Овес, как сказано, встречается в 26 записях. Записи камеральных регистров (Риги и Таллина) и отчасти ландфогтов рижской городской марки позволяют вывести средние цены по ряду десятилетий (см. прилож., табл. 2).

Номинальные цены на овес в 20—30-х годах, по сравнению с началом XV в., выросли почти в три раза. Выведенная нами средняя для 30-х годов цена в точности подтверждается цитированным ранее курземским документом: в 1431 г. ластв овса стоил 8—9 рижск. марок³¹. Для 40-х годов мы имеем два одиночных свидетельства: в Таллине в 1442 г. продавали овес по 6 рижск. марок, а в Риге в 1449 г. — по 10 рижск. марок за ластв³². Зафиксированная в рижском ландфогстве под 1457 г. цена в 20 рижск. марок за ластв³³ является, должно быть, ненормально высокой для того времени: в местных источниках за 1453—1454 гг. отмечают частые неурожаи и запустение, а в 1458 г. — эпидемия чумы³⁴. Тем не менее до середины XV в. цены на овес росли непрерывно, так же как и на рожь. Сходство в движении цен наблюда-

ется и для второй половины XV в., когда цены на овес также не только не растут, но проявляют определенную тенденцию к снижению. Если в 60-х годах средняя цена на овес составляла 15⅓ рижск. марок, то в трех таллинских записях 1498 г. показывается цена 8—9 рижск. марок за ластв овса³⁵.

О ценах на ячмень имеются лишь единичные свидетельства (15 записей за 1431—1496 гг.). Ячмень, по сравнению с другими хлебами, видимо, реже появлялся на рынке³⁶. В 1431 г. средней ценой на ячмень в Курземе считались 12 рижск. марок за ластв³⁷. Записи 1473 и 1487 гг. свидетельствуют о цене на ячмень: соответственно в 12 и 17⅓ рижск. марок за ластв³⁸.

Огромное количество ячменя уходило на изготовление солода и затем пива, которое потреблялось в самой Ливонии. Имея в своем распоряжении весьма значительное количество записей о расходах на пиво, мы можем представить движение средних («взвешенных») цен на этот товар (см. прилож., табл. 3)³⁹.

Приведенные тут средние цены следует признать несколько завышенными. Дело в том, что большинство записей определяет стоимость израсходованного пива вместе с посудой (mit der holte), а иногда и с транспортровкой (mit dregelone), выделить же эти накладные расходы не представляется возможным. Нужно, кроме того, учитывать, что речь идет исключительно о городских ценах: все использованные нами источники относятся либо к Риге, либо к Таллину.

Движение цен на пиво (определявших, несомненно, в первую очередь ценами на ячмень) весьма близко к показанной выше динамике цен на хлеб. Опять подтверждается неуклонный рост номинальных цен в течение первых четырех десятилетий XV в. Цены на пиво в этот период растут быстрее, чем на овес, но несколько медленнее, чем цены на рожь: к концу 30-х годов, по сравнению с началом столетия, они возросли в пять раз. Начиная с 40-х годов рост приостанавливается, так что до 80-х годов цены стоят в сущности на одинаковом уровне. Более того, они, видимо, не растут и дальше, вплоть до конца XV в., о чем свидетельствует запись в книге Х. Паделя под 1487 г., когда за ластв солода (непосредст-

²⁹ UB, 2. Abt. Bd. I, 883. Если принять во внимание показание Таллинского вакенбуха за 1496 г. (Wackenbuch, стр. 39) о взимании денег вместо зерна во время вакковых сборов в деревне Рандфер, то цену на рожь придется считать снизившейся даже до 7 рижск. марок за ластв. Но это крайне сомнительно, если сопоставить приведенные выше данные о ценах в 90-е годы и данные самого вакенбуха за 1505—1508 гг., по которым ластв ржи стоил тогда 24—30 рижск. марок (стр. 64—66). Заметим при этом, что в 1495—1496 гг. в Ливонии свирепствовала чума, сопровождавшаяся обычно дороговизной. Если указанное несоответствие не вызывалось условиями самой сделки (перед нами, собственно, не продажа, а коммутация), то остается предположить, что опубликованный текст упомянутого источника содержит неточность, может быть, в датировке.

³⁰ G. Mickwitz. Указ. соч., стр. 102; см. UB (2), III, 344, 719 и 811: рожь продается и покупается на внутреннем рынке по цене 22—24 рижск. марки за ластв (1508 и 1510 гг.); ср. также GU, II, 110: в 1511 г. помещик Р. Тизенхаузен обязался доставить из Тарту в Таллин 38 ластв ржи по цене 20 рижск. марок за ластв.

³¹ UB, VIII, 440 и фотокопия Института истории АН ЛатвССР, № 506, лл. 11—12 (свидетельства Арнольда и Отто Сакенов).

³² UB, IX, 771; KR, стр. 244.

³³ Vier Bücher, I, стр. 44.

³⁴ UB, XI, 325 и 747.

³⁵ UB (2), I, 636 и II, 580. При этом стоит, однако, отметить, что 1498 г., как и ряд лет, ему предшествовавших, был неурожайным; см. там же (2), I, 681 и 827.

³⁶ См. об этом Scriptores rerum Livonicarum, t. II, Riga und Leipzig, 1848, p. 2a, 29b.

³⁷ UB, VIII, 440. В Таллинском вакенбухе под 1435 г. зафиксирована сумма близкая к этой цене: 15 рижск. марок за ластв.

³⁸ ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, д. 124, л. 55 (записи Х. Паделя об уровне цен в Риге).

³⁹ В таблицу не включены записи, показывающие цены на специальные сорта пива (на висмарское, ростокское, krochbers, schepbers), или же цены, выраженные в иностранной монете (например, в гульденах).

венный продукт переработки ячменя) платили в Риге 17½ рижск. марки⁴⁰. Для 90-х годов мы имеем столь же авторитетное свидетельство Йогана Шенинга, по которому рижская цена одного ластва пива в 1498 г. составляла 16 рижск. марок⁴¹. Такой уровень цен на пиво в конце XV в. подтверждается и несколькими дошедшими до нас записями о расходах на пиво таллинского магистрата⁴².

Этим исчерпываются имеющиеся в нашем распоряжении данные о движении цен на хлеб в XV в.

ЦЕНЫ НА СКОТ И НА ПРОДУКТЫ ЖИВОТНОВОДСТВА

Из 148 записей относительно купли-продажи скота более половины (76) имеют в виду лошадей. Однако в один и тот же период цены на лошадей варьируют в очень широких пределах, в зависимости от того, о чем идет речь — о боевом коне ливонского рыцаря, верховой или упряжной лошади горожанина или о тягловом крестьянском скоте. Крестьянская лошадь ценилась в 10—20 раз дешевле, нежели рыцарская⁴³, между тем, в большинстве документов порода и назначение покупаемых лошадей не уточняются, что очень затрудняет исследователя. Можно думать, что чаще всего имелись в виду лошади не рабочие, а верховые (используемые также в упряжке), поскольку основная масса записей основана на камеральных регистрах,

⁴⁰ ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 124, лл. 54—55. При этом нужно учесть, что солод всегда был дороже пива.

⁴¹ Там же.

⁴² Например, в 1494 г. платили за пиво 19½—20½ рижск. марки за ласт (UB (2), I, 31). Более высокие цены на пиво показывает перечень расходов послов таллинского магистрата на совещание городов в Цесисе в январе 1498 г. Тут за большую партию пива (4 ластва и 4½ бочки) было уплачено 113¾ рижск. марки, т. е. из расчета 26½ рижск. марок за ласт. Нужно, однако, учесть, что в данном случае в стоимость пива вошли все, самые разнообразные, накладные расходы (там же, 636: mit der tunnen vormen, fusse, matten, stro, towe, spillen, op to drengen). Другая меньшая партия пива в ½ ластва в этом же документе была оценена из расчета 15 рижск. марок за ласт. Ласт солода оценен здесь в 17 рижск. марок, т. е. так же, как и в 80-е годы.

⁴³ Приведем пример из XVI в. По данным Вискского вакенбуха 1518—1544 гг., крестьяне Южной Эстонии покупали лошадей по цене 4—6 рижск. марок. Согласно приказу орденского магистра, изданному в июне 1533 г., вывозить из Ливонии в Литву можно было лишь лошадей не дороже для купца 14 и для крестьянина 10 рижск. марок (см. AR, III, 326). Между тем вассалы в XVI в. продавали друг другу лошадей по 30—50 и даже 100 рижск. марок (UB, 2—II, 57; Bfl., I, 999 и GU, II, 277 и 1165).

т. е. фиксирует расходы магистрата на лошадей для послов, отправляемых из Риги и Таллина, или же на лошадей, которые использовались в городском транспорте.

В таблице 4 выведены средние цены на лошадей за ряд десятилетий⁴⁴ (см. прилож., табл. 4).

Для первых четырех десятилетий XV в. характерно непрерывное повышение цен на лошадей. Цены эти достигают максимума в 1430—1440 гг., что соответствует движению цен на хлеб. Разница состоит лишь в том, что цены на лошадей в 30-х годах возросли необычайно, в гораздо большей степени, чем, например, цены на рожь. Возможно, тут имел значение повышенный спрос на коней в связи с участием Немецкого ордена в войнах против гуситов⁴⁵. Это подтверждается жалобами чиновников Ордена, отправленных в 1431 г. из Пруссии в Ливонию с целью закупить лошадей, на то, что за них требуют двойную цену⁴⁶.

Впоследствии уровень цен снижается; в 40—60-х годах они остаются в общем на постоянном уровне, достигая 11½ рижск. марок за голову. Для последней трети XV в. у нас есть лишь одиночные данные. Они позволяют сказать, что номинальные цены на лошадей не росли и тогда. Согласно рижским камеральным регистрам, в 1471 г. за обычную верховую лошадь платили 9 рижск. марок⁴⁷. Постановления ливонских ландтагов 1495—1496 гг., касающиеся запрещения вывоза лошадей за пределы страны, показывают цены на них в 6, 8, 9 рижск. марок и выше⁴⁸.

Несравненно однороднее имеющиеся в нашем распоряжении сведения о ценах на быков (волов). Тут мы имеем дело с более или менее определенным объектом. Согласно рижским камеральным регистрам, содержащим основную массу соответствующих записей, быков покупали главным образом на убой⁴⁹. О волах как рабочем скоте говорится лишь в приговоре суда от 1495 г., который устанавливает возмещение за волов, отнятых у крестьянина: «за одно-

⁴⁴ Сюда не включены записи, явно имеющие в виду наиболее дорогих — боевых, рыцарских коней.

⁴⁵ Отмеченное нами сильное вздорожание лошадей могло начаться еще в конце 20-х годов XV в.: для периода 1427—1430 гг. у нас нет никаких данных.

⁴⁶ UB, VIII, 420 (март 1431 г.).

⁴⁷ KR, стр. 326.

⁴⁸ AR, III, 2, § 2 (1495 г.) и UB (2), I, 413 (1496 г.). Понятно, что речь при этом идет о самых простых лошадях: запрет распространялся только на дорогих коней, которых можно было использовать на войне. В таллинских камеральных регистрах конца XV в. упоминаются лошади по 24—40 рижск. марок, но во всех случаях — верховые, для дальних поездок в Москву, Новгород. Лошадь одного из эстонских вассалов, была оценена в 1497 г. в 30 рижск. марок (Bfl., 557).

⁴⁹ Характерные записи в KR: «vor 2 rindere den tymmerluden», «vor enen haluen Ossen» и т. п.

го 7, а за другого 8 марок»⁵⁰. Возможно, что рабочего вола имеет в виду показание о ценах курземского вассала А. Сакена в 1431 г. («bos 3 Mgs») и жалоба одного шведа в 1410 г. на то, что у него убили двух «osser» стоимостью 4 рижск. марки⁵¹. Как видно из таблицы 5, средние цены на быков (bulen), используемых на мясо, были несколько ниже, чем цены на рабочий скот⁵² (см. прилож., табл. 5).

Рост цен на быков в первой половине XV в. был гораздо менее заметным, чем это констатируется для цен на хлеб или, особенно, на лошадей. Приостановившись в 40-е годы, рост этот, по-видимому, не имел места и в последующие десятилетия, для которых у нас есть единичные записи⁵³. Для конца XV в. таблица 5, как будто, показывает резкое возрастание цен на воловь туши. Следует, однако, учитывать, что все шесть записей 90-х годов, свидетельствующих об этом, приходятся на 1498 г.⁵⁴, который отмечен серьезными стихийными бедствиями⁵⁵.

Цены на мелкий домашний скот — овец, коз и свиней — в документах XV в. упоминаются редко. Заслуживают внимания 15 записей (почти сплошь таллинских) о продаже — покупке овец. Они свидетельствуют, во-первых, о том, что в 70-е годы и в самом конце столетия цены не возрастали и, во всяком случае, не превышали того уровня, который был достигнут в 30-е годы⁵⁶.

Очень трудно установить движение цен на животноводческие продукты, в особенности на мясо, сало или говяжий жир, которые измерялись довольно неопределенными единицами. Несколько записей относительно мяса (в бочках) указывают на заметное вздорожание этого продукта в неурожайном 1498 г.⁵⁷ Цены на говяжий жир (tallig) составляли за 1 шиффунт: в 1439 г. — 7,8 рижск. марок, в 1462 г. — 11,7 рижск. марок, к началу XVI в. —

12,4 рижск. марки⁵⁸. Из 22 записей относительно масла сливочного (botter) подавляющее большинство относится к 90-м годам, и только несколько записей к 30-м годам XV в. Сравнивая их, можно заключить, что уровень цен на масло, достигнутый в «критические» 30-е годы, в течение последующего времени так и не был превзойден⁵⁹. По сравнению с началом XV в. (1411 г.) номинальные цены на масло возросли примерно в 3½ раза⁶⁰. Как показывают данные Ю. Пельца, Г. Миквица и других авторов, занимавшихся балтийской торговлей, цены на животноводческие продукты и в XVI в. росли медленнее по сравнению с хлебными ценами.

ЦЕНЫ НА СЫРЬЕ И ПРОДУКТЫ ПРОМЫСЛОВ

Лен и конопля, согласно сообщению Х. Паделя, в 1485 г. стоили: лен — 7½ риж. марок за шиффунт, конопля — 6 рижск. марок за шиффунт⁶¹. Более поздних данных о ценах на эти товары мы не имеем; судя по данным Г. Миквица, в начале XVI в. цена на них существенно не повысилась⁶². Каково было движение цен до 1485 г. — сказать трудно ввиду недостаточной ясной терминологии более ранних записей. Известно, однако, что в 1429 г. из Тарту было послано в Таллин 1½ шиффунта конопли по цене 6 рижск. марок за шиффунт, в 1476 г. в Риге за шиффунт конопли платили 6½ рижск. марок⁶³. Следовательно, цены на коноплю на протяжении 1429—1485 гг. в сущности не изменились. Ввиду близости цен на оба эти товара мы имеем право предположить то же самое и в отношении льна.

Гораздо лучше освещено движение цен на кабалку (Kabelgarn), правда, лишь для второй половины XV в. В 1453—1460 гг. (10 записей) в Риге кабалка стоила 7½—10 рижск. марок за шиффунт. За более поздние годы имеются единичные записи, главным образом в камеральных регистрах: в 1462 г. — 10½ рижск. марок, в 1477 г. — 8—9 рижск. марок и в 1497 г. — 6 рижск. марок за шиффунт⁶⁴.

⁵⁸ UB, XI, 118 (1439 г.); ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 157, л. 255 об. (1462 г.); G. Mickwitz. Указ. соч., стр. 102.

⁵⁹ В 1432—1437 гг. бочка масла стоила 4½—7½ рижск. марки (VIII, 582, и IX, 176). В 1494—1498 гг. она стоила, как правило, 7½—8 рижск. марок (ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 98, л. 31; UB, (2), 1, 532 и 636).

⁶⁰ В 1411 г. гданские купцы покупали в Таллине масло по цене 2⅔ рижск. марки за бочку (UB, IV, 1883).

⁶¹ ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 124, л. 55.

⁶² G. Mickwitz. Указ. соч., стр. 102; лен 10⅓ рижск. марки за шиффунт и конопля 6—7 рижск. марок за шиффунт.

⁶³ UB, VIII, 127 (1429 г.); Vier Bücher, Bd., I, стр. 50.

⁶⁴ ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 98, л. 31 об.

⁵⁰ Bfl., I, 489.

⁵¹ UB, IV, 1860 и VIII, 440.

⁵² Сюда не включены только что отмеченные записи 1410, 1431 и 1495 гг., вероятно, имеющие в виду рабочих волов. Здесь же отметим запись 1438 г. о покупке коровы за 3 рижск. марки (равные 12 фердингам), подтверждающую высокие цены на скот в 30-е годы XV в.

⁵³ KR, стр. 266 и 298; Wackenbuch, стр. 11 и 15; ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 17, л. 117.

⁵⁴ UB, (2), I, 636.

⁵⁵ См. UB, 681.

⁵⁶ UB, IX, 161 и 439 (1437—1439 гг.): овцы (овечьи туши?) в Таллине ценятся по 4—6 фердингов за голову; AR, II, 122 и 139 (1470—1471 гг.): овцы — по цене в 2—3 фердинга за голову. UB (2), I, 636 (1498 г.): за овцу дают в Таллине 3—5 фердингов.

⁵⁷ UB, (2), I, 636 (1498 г.): за бочку мяса дают 9—11 фердингов, в то время как в 1430 г. давали только 3 фердинга (см. UB, VIII, 385).

Таким образом, можно констатировать относительно постоянный (при конъюнктурных отклонениях) уровень цен на кабалку за этот период. Можно утверждать также, что к концу XV в. цены даже несколько снизились.

Цены на деготь, смолу показаны в 19 однородных записях, содержащихся в камеральных регистрах. Согласно восьми записям за 1422—1425 гг., этот товар шел по цене 8—12 рижск. марок за ласт. В остальных записях, приходящихся на 1454—1473 гг., встречаем очень близкие к этим, притом удивительно ровные цены: 9—12 рижск. марок за ласт. В 1489 г. и 1494 г. за ласт смолы в Риге платили 9—10 рижск. марок⁶⁵.

Из восьми сообщений рижских купцов в Любек о состоянии цен на золу явствует, что в 1458 г. ласт золы там покупали за 8—9 рижск. марок⁶⁶. Много позже, в 1494 г., курземский вассал продал купцу из Таллина 24½ ласта золы по цене 6 рижск. марок за ласт⁶⁷. Подтверждается наблюдение, сделанное уже в отношении ряда других товаров,— во второй половине XV в. цены на техническое сырье не растут, скорее даже проявляют тенденцию к снижению.

Весьма важной статьей ливонской торговли в XV в., как внутренней, так и особенно экспортной, оставался воск. Об этом свидетельствуют и частые упоминания актов о торговых сделках и масштабы сделок. В XV в. из Риги и Таллина воск вывозили не только шиффунтами (берковцами), но даже ластами⁶⁸. В сообщениях в Любек относительно состояния рижского рынка в 1458 г. купцы Риги всегда отмечали и цены на воск; такое же внимание этому товару оказывает в конце XV в. Иоган Шёнинг⁶⁹. На основании 23 записей движение цен на воск в 1410—1499 гг. представлено в табл. 6 (см. прилож.).

В течение столетия цена на воск возросла, как видим, в пять раз. «Критическим» периодом были, несомненно, 30—40-е годы, когда цены на воск достигли того уровня, на котором они оставались в течение всей второй половины века. Подъем цен на воск в 90-е годы был явлением временным, ибо в начале XVI в. цены, согласно Г. Миквицу, снова упали до 88,3 рижск. марки за шиффунт⁷⁰. Обращает на себя внимание также незначительность отклонений индивидуальной цены на воск в одновременных или же близких по времени сделках (например, за период 1454—1458 гг.). Недаром воск — один из самых дорогих и устойчивых товаров — использовался еще в XV в. как средство платежа вместо серебряных денег⁷¹. Как отмечает тот же Г. Миквиц,

в связи с реформацией в XVI в. значение воска упало, и цены на него уже не поднимались.

Цены на мед, если судить по отрывочным записям, с 1405—1408 гг. по 1497 г. возросли с 24—28 до 138 рижск. марок за ласт⁷², т. е. примерно в пять раз — в том же размере, что и цены на воск. Больше всего цены на мед возросли, по-видимому, опять-таки в 30-х годах XV в., так как уже в 1431 г. за ласт меда в Курземе платили 70 рижск. марок⁷³.

ИНДЕКСЫ ЦЕН ПО ДЕСЯТИЛЕТИЯМ XV в.

Для удобства сопоставления полученных данных сравним индексы номинальных цен на некоторые сельскохозяйственные товары (см. прилож., табл. 7). Базой индекса (100) взяты цены начала XV в. Большинство индексов отражают средние («взвешенные») цены по десятилетиям; в случае отсутствия данных для исчисления средних цен, проставлены показания, встречающиеся в отдельных записях, с указанием соответствующего года.

Итак, номинальные цены на хлебные продукты за столетие выросли в 3—6 раз. Больше всего росли цены на рожь, меньше всего — на овес. Рожь в хлебной торговле XV в. преобладала, она-то и была самой чувствительной к рыночной конъюнктуре. Для всех видов хлеба (в том числе, видимо, и для ячменя) «критическим временем», в смысле резкого повышения цен, следует считать 20—30-е годы XV в. Номинальные цены, установившиеся в этот период, несмотря на различные конъюнктурные отклонения, являются как бы «стандартом» для всего последующего времени.

Сказанное относится также к ценам на скот (на лошадей, быков, овец). Номинальные цены на скот возросли за столетие в 3—5 раз, причем самые высокие цены характерны опять-таки для 30-х годов.

Наконец, в 5 раз за столетие возросли номинальные цены на воск, причем решающий перелом приходится и здесь на конец 30-х — начало 40-х годов XV в.

ДВИЖЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ЦЕН

Говоря о подъеме цен на сельскохозяйственные товары, особенно в периоды длительных стихийных бедствий или военного напряжения, мы до сих пор имели в виду номинальные цены. Остался невыясненным вопрос, как обстояло дело с реальными ценами, иначе говоря, в какой степени рост цен вызывался повышенным рыночным спросом на соответствующие товары и в какой — ухудшением самих денег.

При всей ограниченности использованного нами материала все показания сходятся в одном пункте, свидетельствуя об очень резком повышении цен в 20-е и особенно в 30-е годы XV в., что указывает

⁷² Vier Bücher, Bd. I, SS. 27—28; ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 98, л. 31.

⁷³ UB, VIII, 440.

⁶⁵ ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 98, л. 31.

⁶⁶ UB, XI, 735—753 (май—июнь 1458 г.).

⁶⁷ UB (2), 1, 213.

⁶⁸ Например, UB, IX, 479 и 549, § 4.

⁶⁹ UB, IX, 742 и 750—753; ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 98, л. 31.

⁷⁰ G. Mickwitz. Указ. соч., стр. 102.

⁷¹ A. Svabe. Musu senas naudas sistēmas.—Latvijas vestures institūta žurnāls, Rīga, 1939, 196—197 lpp.

на серьезные хозяйственные потрясения, переживавшиеся тогда средневековой Ливонией. Существенную роль в этом кризисе, несомненно, сыграли стихийные бедствия — неурожай, голод и эпидемии. Жалобы местных властей на эти явления, довольно частые уже во втором десятилетии XV в.⁷⁴, становятся почти непрерывными в 20—30-х годах⁷⁵. В начале 40-х годов последствия несчастий проявляются в ограничении и запрете вывозить хлеб⁷⁶. Позже обстановка меняется коренным образом: источники, если и говорят о дороговизне и голоде, то лишь имея в виду соседние, русские земли⁷⁷. Во второй половине XV в. таких сплошных и глубоких бедствий в Ливонии источники не отмечают. Если не считать эпидемии чумы⁷⁸, повышенная смертность от голода после неурожаев отмечается лишь для 1453—1454 гг. и особенно сильно для 1498—1501 гг.⁷⁹.

Другим источником экономических затруднений в Ливонии были частые войны — внешние и внутренние.

Лучшим способом выяснить состояние ливонского монетного дела в XV в. было бы изучить содержание серебра в основной денежной единице — рижской марке. К сожалению, сделать это пока невозможно из-за слишком общих, мало конкретных формулировок документов. Очень скудные данные о реальном содержании марки приводятся и в специальной литературе⁸⁰.

⁷⁴ О бедствиях в 1411—1417 гг. см. UB, IV, 1873, 1927 и 1941; V, 2015, 2025, 2070, 2117, 2122 и 2132.

⁷⁵ UB, V, 2532 (1421 г.): «das die jare obir alle schlecht und missdegen weren an dem getreide». См. еще № 2569—2570, 2634, 2666 и VII, 70; там же, VII, 544: «das arme land zur Lüffland die neesten 10 yor bis bisher so sere geswechet, gekrenket und vorwustet beide unfructbaren yoren, von pestilentien und mannigerleye beswerunge...»: UB, VIII, 689, 744, 797, 816 и 859; IX, 10, 102, 145, 148, 161, 176, 185, 195, 201 и 214.

⁷⁶ Там же, IX, 839, 935 и 955 (1442—1443 гг.).

⁷⁷ Там же, IX, 953; X, 209, 211, 213, 237 (1443—1446 гг.).

⁷⁸ В 1454, 1456, 1464, 1465, 1467, 1475, 1495 и 1496 гг.

⁷⁹ UB, XI, 325 (1454 г.), (2), I, 681, 827, 848, II, 19.

⁸⁰ А. Бульмеринг говорит, что к началу 20-х годов рижская марка имела «самое низкое содержание серебра»: 2 лота серебра в 1420 г. вместо 8 лотов в 1406 г. (KR, стр. 6). А. Швабе отмечает, что рижская марка «к 1420 г. уменьшила свое серебряное содержание со 190 граммов до 25—27 граммов серебра (Latvijas Vestures Institutas žurnāls, 1939, 188 Ipp.). Для периода 1485—1490 гг., тот же Бульмеринг устанавливает «чрезвычайное уменьшение» количества серебра в местной монете, по крайней мере, в семь раз, по сравнению с тем положением, которое создавалось после монетной реформы 1422—1426 гг. (Mitteilungen aus dem livländischen Geschichte, Bd. 23, S. 173). Фиксируя состояние ливон-

Преодолеть данное затруднение можно лишь косвенным образом, — с одной стороны, прослеживая соотношение марки чистого серебра (Mark lötigen Silbers) с рижской маркой, а с другой — соотношение этой последней с самой устойчивой, преимущественно золотой, иностранной монетой в XV в.

Таблица 8 (см. приложение), составленная на основе свидетельств грамот (UB), камеральных регистров (KR) и отчасти архивных данных⁸¹, показывает, сколько рижских марок давали в XV в. за одну марку чистого серебра.

Следовательно, за период 1404—1500 гг. рижская марка, в сравнении с маркой чистого серебра, обесценивалась, по крайней мере, в три раза. Отсутствие данных за 40 и 50-е годы не позволяет сказать точно, когда ухудшение рижской марки шло наиболее интенсивно. Во всяком случае, это имело место скорее в первой, нежели во второй половине столетия. В конце XV в. серебряное содержание рижской марки несколько улучшается.

Таблица 9 (см. приложение) показывает курс рижской марки в сравнении с самой распространенной в Ливонии иностранной монетой — рейнским гульденом.

Эти данные подтверждают и уточняют выводы, сделанные на основании таблицы 8. За 1414—1500 гг. рижская марка, в сравнении с рейнским гульденом, обесценивалась примерно в три раза. Наиболее интенсивно указанный процесс протекал в 20—30-х годах и гораздо менее заметно — во второй половине XV в. Подтверждается также некоторое улучшение местной монеты к концу XV в., что вполне соответствует наблюдениям Г. Миквица об относительной устойчивости рижской марки в первой половине XVI в.⁸²

Приведенные сопоставления игнорируют то обстоятельство, что рейнский гульден, в свою очередь проявлял тенденцию к ухудшению⁸³. В этом нас убеждает курс рижской марки по ее отношению к несомненно более устойчивому английскому гульдену. Если в начале XV в. (1403—1409 гг.) за него давали 0,94—1,08 рижск. марки, то в 1431—1435 гг. — 4 рижск. марки. Следовательно, к 30-м годам XV в., по сравнению с началом столетия, курс рижской марки упал в 4 раза. А так как это падение продолжалось и дальше, мы вправе считать, что за XV в. реальное (сереб-

ской монеты на том или ином отрезке времени, поименованные авторы не дают более или менее ясного представления о содержании серебра в рижской марке на всем протяжении изучаемого нами периода.

⁸¹ ЦГА ЛатвССР, ф. 7363, оп. 1, д. 98, л. 31об.; д. 124, л. 54; д. 279, л. 19.

⁸² G. Mickwitz. Указ. соч., стр. 83—96.

⁸³ В. Зомбарт («Современный капитализм», т. I, Л., 1924, стр. 250) приводит подробные данные о судьбе рейнского гульдена в XV в. Если в 1402 г. в нем содержалось 3.322 г. золота, то в 1490 г. его было лишь 2.527 г.

ряное) содержание рижской марки снизи-лось по меньшей мере в 5 раз⁸⁴.

Совершенно ясно, что если номиналь-ные цены на сельскохозяйственные про-дукты в Ливонии за XV в. возросли в 3—6 раз, ни о какой сколько-нибудь уловимой тенденции к повышению реальных цен, хотя бы на отдельные виды товаров, го-ворить не приходится. Вслед за периодами дороговизны, обычно совпадавшими с не-урожаиями и голодными годами (особенно 1412, 1421—1423, 1433—1437, 1458, 1470 и 1498 гг.) цены, как правило, снова падали. В общем же за XV в. цены на хлеб и тем более на другие продукты сельского хо-зяйства не только не возросли, но даже не-сколько снизились.

Как отмечалось неоднократно, номиналь-ные цены росли быстрее всего в 20—30-х годах XV в. Теперь мы знаем, что именно в эти годы курс рижской марки падал осо-бенно быстро. Последнее обстоятельство — обесценение ливонской монеты — было го-раздо более действенным фактором, объяс-няющим «скачок» в ценах, нежели всякого рода стихийных бедствия того времени, размеры которых в источниках (т. е. в переписке Ливонского ордена с Пруссией) зачастую безусловно преувеличивались.

Рост цен на сельскохозяйственные продук-ты начинается лишь в первой половине и особенно в середине XVI в.⁸⁵ При этом интересно, что в Ливонии он был значи-тельно резче чем, например, в Польше⁸⁶.

⁸⁴ Косвенным указанием на резкое сни-жение покупательной способности рижской марки в XV в. является рост номинальной заработной платы. Из очень богатых дан-ных рижских камеральных регистров (они заслуживают специального изучения) при-ведем, как пример, оплату писца. В нача-ле XV в. он получал 12 рижск. марок, около 1450 г. — 26 рижск. марок, в 1455—1475 гг. — 50 рижск. марок. Данных за конец века нет.

⁸⁵ Согласно исследованию Г. Миквица, в 1505—1515 гг. цены стояли приблизительно на одном и том же уровне. Приняв этот уровень за 100, получим следующие при-мерные индексы: для 1530 г. — около 175, для 1550 — около 350. При этом цены на хлеб росли быстрее, чем на остальные про-дovolьственные товары или сырье; воск даже падал в цене (G. Mickwitz. Указ. соч., стр. 100—102).

⁸⁶ Даже в столь важной балтийской гавани, как Гданьск, цены на рожь за 1501—1550 гг. выросли только в два с по-ловиной раза (см. J. Pelc. Ceny w Gdańsku w XVI i XVII wieku, Lwów, 1937, str. 60). В других городах Польши — Варшаве, Кракове, Львове цены за тот же период возросли приблизительно в полтора раза (см. данные В. Кули в издании Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, tom X, Poznań, 1948). Согласно Г. Миквицу ливон-ская рожь за то же самое время вздо-ржала, по крайней мере, в четыре раза. Столь же большим было повышение цен на рожь и ячмень в пределах Русского государства, хотя тут нужно, конечно, счи-

тать обстоятельство, что за XV в. цены на хлеб в Ливонии фактически не возросли, а скорее, наоборот, снизились, косвенно подкрепляет мнение ряда авторов (в по-следнее время поддержанное также М. П. Лесниковым) о том, что в те времена хлеб еще не являлся существенной частью бал-тийского, и, в частности, ливонского экспорта⁸⁷. Значение указанного положения для экономического истории Ливонии со-стоит еще и в том, что рост мызно-барщин-ного хозяйства во второй половине XV в., как видно, нельзя объяснить стремлением рыцарства увеличить свои доходы за счет интенсивного вывоза хлеба на Запад. Этот фактор стал действовать, по-видимому, лишь в следующем, XVI в.

Ряд явлений, которые вскрываются при изучении цен в Ливонии XV в., очевидно, не были исключительно ее особенностью. Известная стагнация, даже падение цен на сельскохозяйственные продукты, харак-терны и для других стран Европы того времени⁸⁸. Столь же общим явлением, охватившим в XV в. многие европейские (в том числе и восточноевропейские) стра-ны, было обесценение денег⁸⁹. Не являются чем-либо специфическим для Ливонии и жалобы современников на хозяйственные трудности, особенно частые здесь в первой половине века. Вспомним обстановку суще-ствовавшую в эпоху гуситских войн в Че-

таться с исключительной обстановкой стихийных бедствий 1548—1549 гг. (см. А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 31, 114—115).

⁸⁷ Мы имеем в виду цитированные рабо-ты Ю. Пельца и Г. Миквица. Первый го-ворит прямо, что в XV в. главной статьей гданьской торговли являлся лес, лесные продукты (смола, зола, поташ); зерно за-нимает их место только в XVI—XVII вв. Второй, говоря о первой половине XVI в., предостерегает от весьма распространенной в литературе (и идущей от Б. Руссова) переоценки масштабов хлебного экспорта из Таллина. Из советских историков этому вопросу уделил внимание М. П. Лесни-ков, который пришел к выводу о весьма незначительном удельном весе зерна в бал-тийско-нидерландской торговле начала XV в. (см. указанную выше его статью. «Средние века», стр. 112—134).

⁸⁸ См. Е. А. Косминский. Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV веках. «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 49, 55 и 57, прим. 19. Для стран цен-тральной и восточной Европы в XV в. это же обстоятельство констатируют: Фр. Лют-ге (Германия), М. Маловист (Польша) и Фр. Граус (Чехия). См. Fr. Lütge. Deutsche Sozial-und Wirtschaftsgeschichte, Berlin, 1952, S. 147; Fr. Graus. Die erste Krise des Feudalismus. «Zeitschrift für Ge-schichtswissenschaft», Berlin, 1955, Hft. 4, SS. 586—587; M. Malowist. Z hospo-darske problematiki krise feudalism ve XIV a XV století. «Československí časopis historický», I, Praha, 1956, str. 98.

⁸⁹ Подробную сводку об этом см. В. Зо-м-барт. Указ. соч., стр. 244—252.

хии, в соседних с нею германских и польских землях, а также в орденской Пруссии.

Взаимосвязь этих, как и некоторых других явлений, характеризующих экономическую ситуацию XV в., не вызывает сомнения. Едва ли, однако, уместно сводить их совокупность к понятию «кризиса феодализма» в XIV—XV вв., получившему распространение среди историков ряда народно-демократических стран⁹⁰. Глубинной основой данных явлений было, в конечном счете, развитие товарно-денежных отношений в недрах пока еще безусловно

⁹⁰ Подробный обзор литературы по этой проблеме (в том числе и работ буржуаз-

господствующего феодального уклада. Продолжно научному изучению указанного процесса могут помочь, разумеется, не преждевременные обобщения, а изучение конкретного состояния рынка и, насколько это возможно, движения цен на территории СССР и других стран Европы в эпоху феодализма.

ных историков) см. в упомянутых выше статьях Грауса и Маловиста. Ср. также предисловие П. И. Резонова к книге чешского историка И. Мацека. Табор в гуситском революционном движении, М., 1956, стр. 18—20.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ТАБЛИЦА 1

Годы	Количество записей	Всего ржи (пур)	Общая стоимость ржи в рижск. марках	Индивидуальные цены за ласт (минимальные и максимальные)	Средняя «взвешенная» цена за ласт в рижск. марках
1405—1409	5	36	3 ¹ / ₂	3 ¹ / ₆ —5 ¹ / ₄	4
1415—1420	6	36	6	7	7
1421—1430	12	126	35	10 ¹ / ₂ —21	14
1431—1439	15	123	56 ¹ / ₄	10 ¹ / ₂ —28	20
1441—1449	12	94	39	14—24 ¹ / ₂	17 ¹ / ₂

ТАБЛИЦА 3*

Годы	Количество записей	Всего пива (бочек)	Стоимость пива в рижск. марках	Индивидуальные цены (за бочку в орах)	Средняя «взвешенная» цена за ласт в рижск. марках
1405—1406	4	6	2	15—16	4
1411—1420	64	см. примечание	15—20	15—20	4 ¹ / ₂
1423—1428	5	13	11 ¹ / ₇	36—54	10 ¹ / ₂
1424—1440	35	88	147 ¹ / ₄	60—96	20
1441—1450	29	149	220	44—96	18
1451—1460	10	48	72	40—82	18
1470	3	24	41 ² / ₃	82	21
1471—1478	7	32	49	60—82	18 ¹ / ₂

ТАБЛИЦА 2

Годы	Количество записей	Всего овса (пур)	Общая стоимость овса в рижск. марках	Индивидуальные цены за ласт (минимальные и максимальные)	Средняя «взвешенная» цена за ласт
1405—1408	4	923	48 ¹ / ₄	2 ³ / ₄ —3 ¹ / ₃	3,2
1421—1423	3	36	5 ¹ / ₆	7 ¹ / ₂ —12 ¹ / ₂	8,5
1430—1439	7	172	25 ¹ / ₄	8—9 ¹ / ₂	9
1463—1471	5	167	43 ¹ / ₃	11—20	15 ² / ₆

ТАБЛИЦА 4

Годы	Количество записей	Количество лошадей	Общая стоимость лошадей	Индивидуальные цены в рижск. марках (минимальные и максимальные)	Средние «взвешенные» цены в рижск. марках
1405—1410	7	7	20 ¹ / ₂	1 ¹ / ₄ —7	3
1411—1417	11	13	46 ¹ / ₄	2—6	3 ² / ₃
1422—1427	8	19	139 ¹ / ₃	3 ¹ / ₂ —14	7 ¹ / ₂
1431—1440	11	16	275 ¹ / ₂	5 ¹ / ₂ —32	17
1443—1450	10	10	82 ¹ / ₂	4—15	8 ¹ / ₄
1451—1456	13	15	172	5—25	11 ¹ / ₂
1463—1470	11	15	172	6—23	11 ¹ / ₂

* Примечание. Данные о ценах на пиво за второе десятилетие XV в. взяты из расходных счетов рижского братства Черноголовых (Рукоп. отд. ФБ АН Латвийской ССР, рукопись № 442). Подавляющее большинство записей здесь относится к 1417—1419 гг., причем в 39 записях цена одной бочки пива равна 18 орам, что и принято нами за среднюю цену. Ласт пива равен 12 бочкам; следовательно, его стоимость равна $\frac{12 \times 18}{48} = 4\frac{1}{2}$ рижск. маркам.

ТАБЛИЦА 5

Годы	Количество записей	Количество быков	Общая стоимость быков (в фердингах)	Индивидуальные цены в рижск. марках (минимальные и максимальные)	Средние цены в фердингах
1405—1409	3	4	13	3—3 ¹ / ₂	3 ¹ / ₄
1413—1421	6	8	41 ¹ / ₂	3—6	5 ¹ / ₂
1421—1430	11	15	140 ¹ / ₂	6—12	9 ¹ / ₃
1431—1439	—	—	—	6—20	11 ² / ₃
1447—1450	3	3	29	7—14	9 ² / ₈
1490—1500	9	5 ¹ / ₄	99	12—24	18 ³ / ₄

ТАБЛИЦА 6

Годы	Количество записей	Индивидуальные цены (в рижск. марках за шиф-фунт)
1410—1415	2	20,18
1431—1439	2	40,72
1444—1447	2	60,67 ¹ / ₂
1454—1458	10	67—70
1468	1	82
1484	1	70
1490—1499	5	90—104 ¹ / ₂

ТАБЛИЦА 7

Годы	Рожь	Овес	Пиво	Лошади	Быки	Воск
1401—1410	100	100	100	100	100	—
1411—1420	175	—	112	120	160	100
1421—1430	350	265	262	244	285	—
1431—1440	500	270	500	566	370	1431 г. : 200
1441—1450	437	1449 г. : 312	450	275	300	1439 г. : 360
1451—1460	1458 г. : 650	1458 г. : 614	450	383	1455 г. : 308	1444 г. : 300
1461—1470	1470 г. : 750	490	1470 г. : 522	383	1464 г. : 338	1437 г. : 337
1471—1480	—	—	457	1471 г. около 300	1478 г. : 369	1468 г. : 410
1481—1490	1487 г. : 550	—	—	—	—	—
1491—1500	1498 г. : 600	1498 г. : 265	1498 г. : 400	1495 г. около 300	578	1484 г. : 350 около 500

ТАБЛИЦА 8

Годы	Соотношение рижской марки к марке чистого серебра	Годы	Соотношение рижской марки к марке чистого серебра
1404—1421	5:1	1465—1471	12:1
1422	5 ¹ / ₁₀ :1	1485—1492	14:1
1424	7 ¹ / ₂ :1	1489	16 ¹ / ₂ :1
1425	7 ¹ / ₂ —7 ³ / ₄ :1	1494	17:1
1426—1437	8:1	1495—1500	15:1
1460	10:1		

ТАБЛИЦА 9

Годы	За один рейнский гульден давали рижских марок	Годы	За один рейнский гульден давали рижских марок
1414	0,62	1465	1,78
1415	0,66	1468	1,75
1416	0,68	1485	2,00
1420	0,87	1486—1492	2,11
1421	1,08	1494	2,12
1434—1437	1,50	1494	2,15
1447	1,60	1495	2,00
1453—1470	1,67	1500	1,75

